

— У тебя одна палочка благовоний, чтобы выставить их вон. Иначе я сам их вышвырну.

Едва ли за мгновение до того, как советник-секретарь перешагнул порог, Юань Чэ успел выдохнуть эту угрозу прямо в ухо Шэнь Чжияю. После чего послушно затих, затаив дыхание.

В комнате мгновенно воцарилась тишина.

Шэнь Чжияю торопливо задернул плотный полог кровати, тщательно проверив, не осталось ли малейшей щели. Затем он задул половину свечей на столе, погружая комнату в полумрак, поправил сдвинутый в суматохе стул и небрежно набросил халат на плечи, создавая вид человека, которого только что подняли с постели.

Лишь закончив с этим, он направился к двери.

На пороге стояли двое. Один — советник-секретарь из резиденции князя Ли, который ушел совсем недавно, а вторым оказался Чжао Ко.

— С каждым днем все холоднее, а вы, господин Шэнь, держите окна настежь. Не боитесь простудиться? — с тайным умыслом поинтересовался Чжао Ко, покосившись на раму, через которую недавно пробрался Юань Чэ.

Шэнь Чжияю проследил за его взглядом. При колеблющемся свете свечи лицо канцлера оставалось безмятежным, ни тени смущения или тревоги не отразилось на нем.

— Решил проветрить, — спокойно ответил он. — Если держать окна постоянно закрытыми, у иных бездельников могут возникнуть дурные подозрения.

Чжао Ко запнулся:

— Вот как...

Шэнь Чжияю жестом пригласил гостей войти и присесть. Вэй Си переминался с ноги на ногу у двери, раздумывая, не подать ли чаю, но хозяин дома избавил его от сомнений:

— Чай бодрит, а время позднее. Господа зашли лишь на пару слов, так что не утруждайся. Иди отдыхай.

На первый взгляд эти слова предназначались слуге, но гости прекрасно уловили скрытый намек: переходите сразу к делу.

Советник-секретарь и сам изнывал от усталости, поэтому не стал ходить вокруг да около:

— Господин канцлер, Его Высочество Ли-ван прислал меня спросить... Ранее вы советовали отступить, чтобы затем сделать шаг вперед, и временно уступить выгоду императору варваров. Мы так и поступили. Но что делать теперь? Не можем же мы сидеть сложа руки и ждать, пока начнется голод?

Едва стихло последнее слово, как из внутренней комнаты донесся глухой стук.

Оба визитера одновременно повернули головы на звук, а Чжао Ко и вовсе резко вскочил с места:

— Что это там?!

Шэнь Чжияй едва сдерживал ярость. Его едва не выворачивало наизнанку от выходок Юань Чэ. Не нужно было быть гадалкой, чтобы понять: мерзавцу не понравилось, что его назвали «императором варваров». Под широкими рукавами Шэнь Чжияй до белизны сжал кулаки, мысленно пообещав себе сполна рассчитаться за эту выходку.

Но стоило Чжао Ко сделать шаг в сторону ширмы, как канцлер мягко, но решительно преградил ему путь.

Шэнь Чжияй чуть склонил голову набок и с тонкой усмешкой спросил:

— Господин Чжао, неужели вы действительно не понимаете?

Тот озадаченно обернулся:

— Не понимаю чего?

— Вы, господин Чжао, отдаете все силы государственной службе и совсем позабыли, что у ночи свои законы. И свои удовольствия, весьма далекие от тех, что можно найти в судейском кресле, — протянул Шэнь Чжияй. Он слегка прищурился, отчего внешние уголки его глаз приподнялись, придавая лицу лукавое выражение. Голос его звучал неторопливо и вкрадчиво: — Согласитесь, коротать эти бесконечные темные часы в одиночестве — тоска несусветная.

Колеблющееся пламя свечи озарило его лицо, делая этот мимолетный взгляд почти гипнотическим.

— А?.. — только и смог выдавить опешивший Чжао Ко.

Советник-секретарь князя Ли сообразил мгновенно. Он чувствительно ткнул Чжао Ко локтем под ребра. До того наконец тоже дошел смысл намека, и он уставился на Шэнь Чжияя, борясь с бурей мыслей, поднявшейся в душе.

В этот момент из-за плотного полога кровати донесся тихий скрип деревянных досок — кто-то демонстративно перевернулся с боку на бок, словно выражая свое недовольство.

— Девчушка у меня пугливая, — примирительно улыбнулся Шэнь Чжияй. — Не смущайте ее своим излишним любопытством.

Холодный ветер, ворвавшийся в приоткрытое окно, со свистом ударил в рамы. Гости стояли неподвижно, их лица залила густая краска — то ли от стыда за неловкую ситуацию, то ли от холода. Они долго не могли подобрать слов, пока Шэнь Чжияй сам не вернул беседу в прежнее русло:

— Так на чем мы остановились? Ах да, на том, что нельзя сидеть сложа руки в ожидании голода.

— Да-да, именно так... — закивал советник-секретарь, поспешно отгоняя двусмысленные мысли и пытаясь вернуть лицу серьезный вид. — У простых людей еще есть кое-какие запасы зерна в амбарах, на пару месяцев их хватит. Но если сейчас не начать сев, в следующем году нас ждет настоящая беда. Государственные пашни отданы, к тому же Его Высочество обязался три года выплачивать ежегодную дань этому... императору. Без вашей помощи нам не обойтись, господин канцлер.

— Вы мыслите слишком узко. Разве потеря казенных земель непременно означает голодную смерть? — Шэнь Чжияй зябко передернул плечами и плотнее запахнул халат. — Оставим в стороне то, что земля под пашню не ограничивается казенными наделами. Сев, сбор урожая, выплата дани, пропитание семей... В конечном счете все эти ресурсы превращаются в звонкую монету.

Советник нахмурился:

— Что вы имеете в виду, господин канцлер?

— Государственные пашни перешли к Армии Гуйжун. Станут ли они их засеивать?

— Разумеется.

— Воины Армии Гуйжун — не прорва бездонная. Почвы в царстве Ли плодородны, дожди идут вовремя, последние годы приносили обильные урожаи. Излишки зерна они ведь не станут выбрасывать?

Шэнь Чжияй сделал паузу, давая им возможность осмыслить сказанное, и продолжил:

— Царство Ли процветало веками не просто так. Я изучил этот вопрос: плуги и железные орудия, которыми пользуются здешние крестьяне, усовершенствованы ими самими и очень

добротны. К тому же вокруг полно пустующих предгорий. Стоит приложить усилия, начать расчистку земель, и вы непременно найдете новые пригодные для пашни участки.

Он прямо посмотрел на собеседников:

— Теперь вам все ясно?

Высказав все на одном дыхании, Шэнь Чжуйю почувствовал сухое першение в горле и тихо, сдерживаясь, кашлянул.

Земли в предместьях столицы были уступлены, но не уничтожены. До тех пор, пока воины Армии Гуйжун возделывают пашни, общее количество продовольствия в стране не уменьшится. А значит, бояться нужно не голода, а думать над тем, как вернуть это зерно в собственные закрома.

Как уже говорилось ранее, Армии Гуйжун отчаянно нужны деньги, а у жителей Ли денег как раз куры не клюют. В крайнем случае просо и пшеницу можно просто выкупить назад.

Но Чжао Ко все еще одолевали сомнения:

— План выглядит разумным, однако не покажется ли он народу излишне сложным? К тому же ваше предложение заставить крестьян поднимать целину одновременно с покупкой зерна у Армии Гуйжун кажется мне... не совсем верным.

Шэнь Чжуйю приподнял бровь:

— И в чем же ошибка?

— Вы не до конца понимаете умонастроения местных жителей, — настойчиво заговорил Чжао Ко. — Покупка хлеба у Армии Гуйжун сама по себе ляжет тяжким бременем на плечи крестьян. Если вдобавок заставить их расчищать пустоши... Большинство из них не станут утруждать себя тяжелым трудом на каменистых склонах. Даже если чиновники силой погонят их на работы, люди продержатся день, другой, а потом неизбежно поддадутся лени. Обида будет копиться. В итоге мы не получим ни зерна, ни поддержки народа, которую с таким трудом завоевывали... Господин канцлер?

Постепенно голос Чжао Ко затих. В комнате воцарилась гнетущая, мертвая тишина.

Чжао Ко осекся и робко поднял взгляд. Шэнь Чжуйю созерцал его в упор, и его темные глаза казались бездонными омутами.

На краткий миг чиновнику почудилось, будто перед ним стоит вовсе не изнуренный недугами

изгнанник, а прежний великий канцлер Шэнь — человек, державший в руках бразды правления Великой Чу при покойном императоре.

В памяти Чжао Ко всплыли предостерегающие слова господина Кун Яньцю: «Шэнь Чжиюй лишился прежнего положения, но его сила никуда не делась».

Под этим тяжелым, пронизывающим взглядом Чжао Ко и советник невольно ссутулились и опустили головы. Очередное невидимое столкновение осталось за канцлером.

— Чжао Ко, — негромко произнес Шэнь Чжиюй. Секунды молчания растянулись для его собеседников в вечность. Голос его сделался ледяным: — Ты хочешь сказать мне, что подданные царства Ли привыкли к безделью настолько, что оно стало их второй натурой?

— Господин канцлер, но такова уж человеческая...

— Человеческая природа такова, — резко перебил его Шэнь Чжиюй, не желая слушать оправдания, — что слабый всегда идет под нож сильного. Ступай и спроси у них, хотят ли они умереть.

Спина Чжао Ко мгновенно взмокла от холодного пота. Каждая мышца его тела напряглась под невидимым, но сокрушительным давлением, исходившим от собеседника. Превозмогая страх, он выдал:

— Ваши слова справедливы, господин канцлер. Но раз уж ошибка допущена...

— Людьми движет лишь корысть. Они трудятся ради куска хлеба, а борются — ради сытой и спокойной жизни. Закинь удочку с хорошей наживкой, и рыба сама станет выпрыгивать из воды, превзойдя все твои ожидания. Нам даже не придется ее подгонять, — отчеканил Шэнь Чжиюй. — Передай князю Ли: колесо перемен уже закрутилось, и прежние законы больше не годятся. Дайте народу щедрую приманку, и их рвение превзойдет все ваши ожидания. Пашни, уступленные Армии Гуйжун, со временем будут возвращены законным владельцам. Все до единого надела вернутся к тем, чьи имена записаны в реестрах уезда. Ни единый колосок не пропадет. А земли, которые крестьяне расчистят и освоят за это время, останутся в их полном владении. И весь собранный урожай достанется им.

Гости онемели от изумления.

— В их полном владении?! Но как такое возможно?! Это же неслыханно!

— Вы — государственные мужи и советники царства Ли. Ваша задача — не сокрушаться о лени подданных, а понять корни этой лени, — сурово осадил их Шэнь Чжиюй. — По старым законам крестьяне обязаны были обрабатывать казенную землю, а свои наделы регулярно перераспределять. На старости лет они и вовсе возвращали пашню казне. Люди

понимали, что земля дается им лишь на время, ее нельзя оставить семье, нельзя передать потомкам. Оттого они и трудились спустя рукава. Но если земля станет их собственной, все изменится. Обеспечив себя, они станут до кровавого пота трудиться ради будущего своих детей, внуков и правнуков. Этот поток уже будет не остановить.

Каждое слово канцлера отдавалось в груди Чжао Ко глухими ударами.

Какая неслыханная дерзость!..

О таких переменах он даже помыслить не смел, хотя втайне всегда мечтал увидеть истинную силу раскрепощенного народа.

Алая родинка на веке Шэнь Чжиюя вспыхнула яркой каплей крови.

— Нам нужно лишь объявить об этой милости, а после — исправно собирать налоги. Поверь, казна царства Ли не опустеет.

Шэнь Чжиюй проводил гостей взглядом, подождал, пока шаги их окончательно стихнут вдали, и только тогда вернулся во внутренние покои и отдернул полог кровати.

Нарушитель спокойствия, бесцеремонно занявший его постель, беспечно покачивал длинными ногами, устроившись со всем возможным удобством.

— Ты все еще здесь? — холодно спросил канцлер.

— Уйти? С чего бы это? — Юань Чэ с наслаждением вдохнул тонкий, едва уловимый аромат прохлады, исходивший от шелкового белья, и расплылся в довольной усмешке. — Господин канцлер только что был столь величественен, что бедная девица пала жертвой его очарования. Я явилась сюда ради жарких ночей любви, как же я могу теперь уйти?

Шэнь Чжиюй мысленно вздохнул. И надо же было так войти в роль.

— Вот как? Действительно пала жертвой? — Он скрестил руки на груди и иронично приподнял бровь. — Должен предупредить, я весьма разборчив и смотрю прежде всего на внешность.

— Это легко исправить!

Юань Чэ легко соскочил с постели, подошел к бронзовому зеркалу и безжалостно взъерошил свои растрепанные волосы, зачесывая непослушные пряди назад. Это открыло его лицо с

непривычно глубокими для жителей Срединной равнины чертами и светлыми, пронзательными глазами. Подмигнув собственному отражению и в очередной раз убедившись, что во всех Северных землях не сыскать мужчины прекраснее, он развернулся к Шэнь Чжиюю и широко улыбнулся.

Шэнь Чжиюю только молча созерцал это зрелище.

«Он что... перышки чистит?»

— Ну как, хорош? — самодовольно спросил Юань Чэ.

— И где же мне смотреть?

— Разумеется, на мое лицо!

— Ты уверен?

— Более чем. — Юань Чэ шагнул ближе и склонил голову, так что его нос оказался в волоске от кончика носа канцлера. — Ну же, скажи, разве я не стал еще краше?

Шэнь Чжиюю задумчиво прикоснулся к подбородку, смерив его долгим взглядом:

— Дай-ка погляжу... Что ж, по крайней мере, теперь ты выглядишь чуть более опрятно.

Юань Чэ опешил.

— Раз уж не было ни помолвочных даров, ни паланкина о восьми носильщиках, негоже мне бесчестить юную деву Юань моим присутствием. Если девице так приглянулась эта постель, пусть располагается, — добавил Шэнь Чжиюю и развернулся к выходу, бросив на ходу: — Вэй Си, прибери в боковой комнате.

Из коридора тут же высунулся верный слуга:

— Слушаюсь, господин! Сию минуту!

Слово «опрятно» поразило Юань Чэ, точно удар грома посреди ясного неба. Он застыл в оцепенении, провожая взглядом канцлера, и опомнился лишь тогда, когда тот почти коснулся дверной ручки. Сделав три стремительных шага, он преградил ему путь:

— Полно тебе, я больше не дурачусь. Я пришел к тебе по действительно важному делу...

— Берегись!

Беда нагрянула внезапно!

Прежде чем Шэнь Чжияй успел хотя бы осознать опасность, Юань Чэ мертвой хваткой вцепился в его плечо и резко рванул в сторону. Мимо лица канцлера с яростным свистом пронесся поток ледяного воздуха, а глаза на миг ослепила резкая вспышка.

Раздался резкий свист, а следом — треск рвущейся бумаги.

Смертоносный снаряд летел с такой немыслимой скоростью, что его невозможно было разглядеть в полумраке. Он промчался в волоске от них, мгновенно задул пламя свечи и с сухим шорохом вспорол оконную бумагу, оставив рваную щель в ладонь длиной.

Комната погрузилась в глухую, непроглядную тьму.

<http://bllate.org/book/20512/2132694>